

О. Генри. «Четыре миллиона». Перев. Зин. Львовского. Изд-во «Мысль». ЛНГ. 1925. Стр. 187.

Есть два рода художественной литературы: книги серьезные («идейные») и то, что называют материалом «для легкого чтения». К книге второго типа подходят, как к средству отдохнуть, развлечься—не более. Такая книга не должна быть рассчитанной на особенно серьезное к ней отношение, должна быть достаточно острой и занятной, чтобы заинтересовать, и достаточно поверхностной, чтобы могла легко забыться. Читатель-мещанин не прочь и расстрогаться, но слегка,—настолько, чтобы настроение стало от этого только приятнее. Условия ускоренной жизни современного большого города вызвали еще одно требование—требование максимальной сжатости, которое, в свою очередь, влечет усиление заостренности.

Новеллы Генри более, чем вещи каких-либо других современных писателей, отвечают этим требованиям. Они сжаты, остроумны, иногда—мелодраматичны, в меру сентиментальны. Центр тяжести их лежит в оригинальности сюжета, в анекдотизме положений. Возможность самых необычайных, самых неожиданных сцеплений обстоятельств—такова предпосылка, объединяющая большинство из них.—«В жизни бывают всякие случайности,—как бы говорит своим читателям Генри,—и никто от них не огражден».—Но забавных и даже приятных случаев больше, чем неприятных; наконец, и печальные эпизоды передаются Генри так остроумно и легко, так «мило», что никого не заставят взволноваться, опечалиться всерьез. При всей своей сюжетной заостренности, новеллы Генри очень поверхностны. Это—занятные истории, которые больше, чем на занятность, и не претендуют.

Генри можно признать писателем американского мещанства. Об этом говорят: сентиментальность некоторых из его новелл, на которую так падок мещанин; рассыпанные везде крупинки быта, главным образом,—мещанского; мелкобуржуазная идеология, нередко процитывающая новеллы (идеал большинства персонажей—богатство или семейное счастье,

«домашний рай»). Но сильный налет анекдотизма, придавая рассказам *легковесность*,—чем удовлетворяется потребность читателя в материале для легкого чтения,—делает и быт и психологию *олитературенными*, сглаженными, «ненастоящими», заставляет ощущать их, как почти до конца условные.

Поэтому эти новеллы не могут заразить своей идеологией. Они могут заинтересовывать, но не убеждать.

Лучшие из них (именно те, в которых отсутствует сентиментальность) найдут читателей и в рабочей среде. Не удовлетворяя потребности в более серьезной литературе, не будучи в состоянии особенно захватить и взволновать, они могут доставить немало веселых минут рядом неожиданных сцеплений обстоятельств, рядом остроумных сюжетных трюков.

Часть вещей, вошедших в эту книжку, уже появлялась в печати. Издана книжка не блестяще: есть опечатки.

Я. Фрид.

Иоанн Нейфельд. Достоевский. Психо-аналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда. Изд-во «Петроград». Л.-М. 1925.

Психоанализ имеет многочисленных сторонников, и метод знаменитого венского профессора признан теперь широкими кругами специалистов. Но если учение Фрейда получило огромное значение в области психопатологии, его выводы должны быть сильно ограничены в сфере изучения литературы и искусства, куда сильно склонны заглядывать подчас фрейдисты. Работы самого Фрейда о Леонардо-да-Винчи, об анекдоте и каламбуре явно страдают недостатками дилетантского подхода к вопросам поэтики, искусствознания, теории литературы и проч. Для специалистов данных областей они не убедительны и не нужны. Это, конечно, еще заметнее на работах учеников Фрейда, воспроизводящих его приемы анализа без блестящей интуиции и дарования учителя. Это особенно заметно на «психоаналитическом очерке» о Достоевском, вышедшем в серии работ, издаваемых под общей редакцией Фрейда, и принадлежащем перу его ученика Нейфельда.